

TAH
TBAH
EHT

ТАН ТВАН
ЭНГ

ДАР ДОЖДЯ

МОСКВА
2018

УДК 821.111-31(595)
ББК 84(5Маз)-44
Т18

Tan Twan Eng
THE GIFT OF RAIN

Copyright © Tan Twan Eng 2008
This edition published by arrangement with Grand Central
Publishing, New York, NY, USA. All rights reserved.

Перевод с английского *Марии Нуянзиной*

Художественное оформление серии
Александра Кудрявцева,
студия «FOLD & SPINE»

Тан Тван Энг.
Т18 Дар дождя / Тан Тван Энг ; [пер. с англ. М. Ну-
янзиной]. — Москва : Эксмо, 2018. — 544 с.

ISBN 978-5-04-096473-4

Главный герой, Филип Хаттон, сын англичанина и кита-
янки, чувствует себя одиноким — он чужак даже в собственной
семье.

Знакомство с японцем Эндо-саном переворачивает его
жизнь. Эндо-сан становится ему наставником и учителем.

Между тем начинается Вторая мировая война. Японцы,
захватившие остров, на котором жила семья Филипа, жестоки
и безжалостны. Их жертвами становятся в том числе и близ-
кие героя. Перед лицом смерти людям уже нет необходимости
скрывать свои подлинные чувства. Филипу предстоит многое
переоценить, в том числе и свои отношения с Эндо-саном и
собственным отцом.

УДК 821.111-31(595)
ББК 84(5Маз)-44

© М. Нуянзина, перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-096473-4

*Моим родителям,
En vir Regter AJ Buys
wat my geleer het hoe om te lewe¹.*

Я отдаляюсь. Медленно, но верно. Подобно моряку, который, пустившись в плавание, видит постепенно исчезающий берег, откуда он отчалил, я чувствую, как бледнеет, стирается мое прошлое. Пренная жизнь еще теплится во мне, но все больше превращается в пепел воспоминаний²².

*Жан-Доминик Боби.
Скафандр и бабочка*

¹ И судье А. Дж. Байзу, который научил меня жить (*африканс*). — *Здесь и далее примеч. перев.*

² Перевод с французского Н. А. Световидовой.

Книга первая

Глава 1

Однажды дряхлая гадалка в храме, древнее, чем она сама, сказала мне, что я родился с даром дождя.

Это случилось давно; тогда я не верил предсказательницам, и мир еще не был полон чудес и тайн. Я забыл, как она выглядела, женщина, прочитавшая мою судьбу по лицу и линиям на ладонях. Она сказала, что оказалась в этом мире, чтобы открывать пророчества тем, кому они предназначены, а потом, как и все мы, должна будет уйти.

В ее словах была правда, потому что в дни моей юности постоянно шел дождь. Безоблачное небо и беспощадный зной, конечно, случались, но память осталась только о дожде, льющем через край низких облаков, размывающем пейзаж в китайскую акварель. Иногда дожди шли так часто, что я удивлялся, почему окружающие краски не блекли, не смывались бесследно, оставив мир окрашенным в тона серой плесени.

В день, когда я познакомился с Митико Мураками, мир тоже был сбрызнут мелким дождем. Дождь шел уже целую неделю, и с приходом муссонов должен был усилиться. Основные дороги на Пенанге уже подтопило, море набухло и посерело.

В тот вечер дождь вдруг ослаб до едва различимой мороси, словно готовясь к появлению гостя. Спускались сумерки, и запах мокрой травы нитями вился в воздухе, сплетался с ароматом цветов, создавая замысловато бла-

гоухающий занавес. Я сидел на террасе в одиночестве, как и всегда, уже много лет, готовый провалиться в сон, и грезил о другой жизни. По дому рассыпалось эхо дверного звонка, робко и непривычно, словно кошка, пробующая лапой новую тропинку, — уж очень редко ему доводилось звучать в этих стенах.

Я проснулся, лежа в кресле; в дали времен мне послышался другой звон, и он сбил меня с толку. Чувство потери было так глубоко, что на несколько секунд лишило меня способности двигаться. Потом я сел, и очки, лежавшие у меня на груди, упали на плитки пола. Я медленно поднял очки, протер полую рубашку и нашел под креслом письмо, которое читал до того, как задремать. Это было приглашение от Исторического общества Пенанга по случаю пятидесятой годовщины окончания Второй мировой войны. Я никогда не посещал их мероприятия, но приглашения приходили исправно. Свернув бумагу, я пошел открывать дверь.

Женщина на пороге или обладала терпением, или была уверена, что я дома. Она позвонила всего один раз. Пройдя через сгустившийся в коридорах сумрак, я открыл тяжелые дубовые двери. На вид женщине было за семьдесят, не намного больше, чем мне. Красивая, несмотря на возраст, одета просто — только очень дорогая одежда может быть настолько простой, — тонкие мягкие волосы стянуты узлом на затылке. У ног притулились простой маленький чемодан и длинный узкий деревянный ящик.

— Что вам угодно?

Она представилась с надеждой, которая, судя по всему, значила, что я должен был ожидать ее появления. Но на то, чтобы отыскать ссылку в недрах памяти, у меня ушло несколько секунд.

Имя моей гостьи называли мне всего раз, печальным голосом, в стародавние времена. Я пытался придумать предлог, под которым можно было отправить ее восвояси, но ни один не годился, потому что у меня возникло

чувство, что с той самой секунды эта женщина начала путь, приведший к двери моего дома. Она протянула руку в перчатке, и я пожал ее. Тонкая рука с выступающими суставами на ощупь напоминала птицу, воробышка со сложенными крыльями.

Я кивнул, грустно улыбнулся и повел женщину в дом, останавливаясь в каждой комнате, через которую мы проходили, чтобы зажечь свет. Тучи ускорили приход ночи, а слуги уже разошлись по домам. Холодные мраморные полы поглощали прохладу, но не эхо наших шагов.

Мы вышли на террасу и спустились в сад. Прошли мимо коллекции мраморных статуй — руки-ноги от некоторых валялись в траве, пожираемые плесенью, словно неизлечимой кожной болезнью. Она молча следовала за мной, пока мы не остановились под каузаринной, которая росла на краю маленького выступающего над морем утеса. Дерево, которому было столько же лет, сколько мне, скрюченное и усталое, служило нам некоторым пристанищем, пока ветер стряхивал нам в лицо капли воды с игольчатых листьев.

— Он лежит там, — указал я на остров.

От берега до острова было меньше мили, но он казался серым пятнышком, едва различимым сквозь вуаль дождя. Долг перед гостьей, каким бы нежеланным ни было ее присутствие, вынудил меня поинтересоваться:

— Вы останетесь на ужин?

Она кивнула. И тут же, быстрым движением, противоречившим возрасту, опустилась на колени на мокрую землю и прижалась лбом к траве. Я ушел, оставив ее поклониться могиле своего друга. Мы оба знали, что молчания достаточно. Слова могли подождать.

Было так странно готовить на двоих, мне даже пришлось напомнить себе удвоить количество ингредиентов. Как всегда во время готовки, я оставлял в кильватере открытые банки с пряностями, полунарезанные овощи, по-

ловники, ложки и разнокалиберные тарелки, закапанные соусами и маслом. Мария, моя горничная, часто жалуется, что я развожу беспорядок. А еще она причитает, чтобы я заменил кухонную утварь, большая часть которой довоенного британского производства и еще вполне крепкая, разве что шумновата и чрезвычайно сварлива, как старорежимные английские горные инженеры и плантаторы, которые каждый день торчат в баре Пенангского плавательного клуба, отсыпаясь там после обеда.

Я посмотрел в сад сквозь большие кухонные окна. Теперь женщина стояла под деревом в полной неподвижности, а ветер тряс ветки и обсыпал ее дождем из сверкающих капель. Спина была прямой, плечи она держала ровно, избежав понурой старческой сутулости. Упругая кожа лица сопротивлялась морщинам, что придавало гостю решительный вид.

Когда я вернулся из кухни в гостиную, она была уже там. Комната, в которой никогда ничего не менялось, с высоким потолком и затерявшимися в темноте гипсовыми карнизами, была обшита деревом. Света факелов в руках статуй черного мрамора, изображавших героев античных мифов, хватало лишь на то, чтобы слабо осветить углы. Стулья из тяжелого бирманского тика, обитые потрескавшейся кожей, потеряли форму от количества сидевших на них поколений. Мой прадед заказывал эти стулья в Мандалае, когда строил Истану. В углу стоял кабинетный рояль немецкой фабрики «Шуманн». Я следил, чтобы он всегда был отлично настроен, хотя на инструменте уже много лет никто не играл.

Она изучала фотографии на стене, возможно, надеясь отыскать его лицо. Ее ждало разочарование. У меня никогда не было фотографии Эндо-сана; сколько бы снимков мы с ним ни сделали, ни на одном не было ни его одного, ни нас с ним вдвоем. Я хранил его портрет в памяти.

Она указала на одну из фотографий:

— Хомбу Додзэ Айкикай?¹

Мой взгляд проследовал за ее пальцем.

— Да.

Эта была сделана во Всемирной штаб-квартире айкидо в токийском районе Синдзюку, я и Морихэй Уэсиба, основатель айкидо. Я был одет в белую хлопковую ги — кимоно для тренировок — и хакаму, традиционные черные брюки, какие носят японцы, и напряженно смотрел в глазок камеры; волосы у меня были еще темными. Рядом с моими пятью футами одиннадцатью дюймами О-Сэнсэй, Великий Учитель, как его называли, выглядел крошечным, как ребенок, и обманчиво уязвимым.

— Вы еще преподаете?

Я покачал головой и ответил по-японски:

— Уже нет.

Она назвала нескольких своих знакомых, мастеров высокого уровня. С каждым новым именем я кивал, и какое-то время разговор вращался вокруг них. Кого-то уже не было в живых, кто-то, как и я, отошел от дел. Но были и те, кто, несмотря на возраст, им было под девяносто, исправно продолжали тренировки, которым посвятили всю жизнь.

Она указала на другую фотографию:

— Это ведь ваш отец? Вы с ним — одно лицо.

Этот черно-белый снимок сделал наш водитель перед самым началом войны. Вся семья стояла перед портиком, и от света солнца и моря голубые глаза отца казались еще светлее, а зубы — совсем белыми. Его аккуратно зачесанная седая шевелюра почти сливалась с ослепительно сияющим безоблачным небом.

— Он был очень красивым мужчиной.

Вокруг него стояли все мы: Эдвард, Уильям и Изабель от первого брака, я — от последнего, и в лице каждого из

¹ Всемирная штаб-квартира айкидо в Токио, занимается популяризацией и развитием айкидо во всем мире.

нас проглядывали отцовские черты. Наши улыбки были неподвластны времени, как будто нам суждено было навеки остаться вместе, смеяться и любить жизнь. Я еще помню тот день, вопреки расстоянию пробежавших лет. Это был тот редкий момент, когда я чувствовал себя частью семьи.

— Ваша сестра? — Она перешла к следующей фотографии.

Я кивнул и посмотрел на Изабель на балконе своей комнаты — в руке винтовка, щеки решительно втянуты, — словно плывущую ввысь в свете огней первого этажа. Я почти ощутил теплый ветер, играющий ее юбкой.

— Это на нашем последнем приеме, до того как война все разрушила.

Дождь стих, и я предложил Митико поужинать на террасе. Она настояла на том, что поможет накрыть на стол, а я закатал навес, чтобы открыть небо. Мы сидели под звездной прогалиной — бороздой в облаках, засеянной сверкающими семенами.

Несмотря на простоту приготовленной мною пищи, ела она с отменным аппетитом. Кроме того, гостя оказалась интересной собеседницей; у меня появилось чувство, что мы с ней были знакомы всю жизнь. Отпив налитого чая, она с удивлением поднесла чашку к носу. Я внимательно наблюдал, пройдет ли она испытание.

— «Благоухание одинокого дерева», — угадала она название сорта, который я специально заказывал в Японии. — Его собирают на плантациях рядом с моим домом. После войны его невозможно было достать, потому что все террасовые поля были разрушены.

В конце ужина она подняла бокал с вином и грациозно повела им в сторону острова.

— За Эндо-сана, — тихо сказала она.

— За Эндо-сана, — кивнул я.

— Прислушайтесь, вы его слышите?

Я закрыл глаза и, да, я его услышал. Услышал его дыхание.

— Он всегда здесь, Митико. Вот почему, куда бы я ни уезжал, меня всегда тянет обратно, — чуть улыбнулся я.

Она взяла мою руку в ладони, и я снова почувствовал ее птичью хрупкость. Голос Митико был полон грусти.

— Бедный друг. Как же вы настрадались.

Я осторожно высвободил руку.

— Нам всем выпали страдания, Митико. И Эндо-сану — больше, чем кому бы то ни было.

Мы сидели молча. Всякий раз, как волна разбивалась о берег, море вздыхало, словно бегун на длинную дистанцию перед финишной прямой. Меня всегда больше тянуло к ночному морю. Днем оно поражает великолепием, тугие волны рушатся с грохотом, гонимые силой всего океана. Но ночью эта сила уже растрочена, и волны набегают на берег с равнодушием монаха, разворачивающего свиток.

Потом она тихим голосом принялась рассказывать мне о своей жизни. Ее речь состояла из беглой, естественной смеси японского с английским, которые переплетались, словно цветные нити, свиваясь в рассказ.

— Я овдовела совсем недавно, все не привыкну к белой одежде¹. Мой муж, Мураками Озава, скончался в начале года.

— Мои соболезнования, — мне было непонятно, к чему она клонит.

— Мы с ним были женаты пятьдесят пять лет. Он владел компанией по производству электроники, очень известной. После его смерти весь мой мир, вся моя жизнь вдруг потеряли смысл. Меня подхватило течением, я закрылась дома в Токио, отгородившись от всех. Проводила дни в просторном саду, бродила босиком по галечным

¹ Белый в Японии — цвет траура.